

Андрей Лазарчук

В.Б.О.

По-моему, я столкнулся наконец с настоящей тайной, не имеющей объяснения. Как удастся засунуть все эти маленькие снежинки в пресс-папье?

Специальный агент Дэйл Купер

В жизни человека бывают моменты, когда все его мечты и надежды сбываются. Но это был не такой момент.

Он же

Интро

Майор Шахрам аль-Халил (второй истребительный авиаполк, база Тикрит; налет две тысячи четыреста сорок часов, из них тысяча четыреста — на реактивных истребителях МиГ-21, Су-15 и МиГ-25; беспартийный; холост) выключил и включил рацию, потом еще раз выключил и включил. Голос коммодора наконец стал громкий и

отчетливый. Связь сегодня шалила, как если бы поблизости бушевала гроза — но небо было ясное необычайно и полное звезд.

Скорость составляла тысячу четыреста сорок километров в час. Половина от той, что может выжать МиГ-25 на высоте шестнадцати тысяч, имея полный боекомплект на внешних подвесках...

Впереди и чуть слева выплывали слабые огоньки приграничного городка Заху. Дальше начиналась Турция, и по экрану радара скользили четыре отметки, вот эти, поближе, скорее всего F-16 турецких ВВС, а те, подальше — взлетевшие с базы Тахир американские F-14... торопятся, подумал майор, идут на форсаже, сейчас я, по их мнению, развернусь направо и войду в запретную зону бомбить этих злосчастных курдов, и тогда американцы по данному им кем-то (кем, кстати? не Аллахом, нет — а значит...) праву выпустят по мне свои «фениксы» или «сайдуиндеры».

— «Рассом», «Рассом», я «Хама», десять секунд до разворота, девять...

— «Хама», я «Рассом», понял, к развороту готов...

Восемь секунд. Огни городка начинают уплывать под левый воздухозаборник. Всем хорош МиГ-25, только обзор ограничен...

...тогда, в январе, именно в эту мертвую зону ушел подбитый А-10, и пока аль-Халил делал

разворот — скрылся где-то в тени берега, и вторая ракета, выпущенная почти наугад, наудачу — не нашла его... и аль-Халил так и не стал единственным в полку летчиком, одержавшим настоящую воздушную победу...

Семь. Оружие на боевой взвод. Если они дернутся чуть раньше...

Майор вовсе не ненавидел турок или американцев. Во всяком случае, не более, чем того заслуживали люди, желающие всего-навсего убить его. Но сейчас он испытывал то странное покалывание в затылке и кончиках пальцев, которое всегда начиналось у него, еще мальчишки, когда неравная драка была неизбежна — и ему хотелось, чтобы первым ударил противник, ударил и промазал, и вот тогда он получал полное право бить во всю силу...

Шесть.

...их было шестеро, а он один перед ними, громче, велел Саид, повторяй: я — сын предателя и шлюхи, ну? — и тогда возникло вот это покалывание, взгляд сам собой оторвался от земли, от босых ног противников и растоптанного в пыли желтого платка, приподнялся на уровень лиц и потом чуть выше... там тянулся белый след пролетевшего самолета, он выходил из-за одной крыши и уходил за другую...

Пять.

...и они расступались, давая дорогу ему, а Саид ворочался и дергался у них под ногами, и рубашка его была мокрая от крови, а штаны тоже были мокрые, но уже не от крови, и потом долго шептались, что сын учительницы Фатимы и гвардейского офицера, расстрелянного за неведомую измену — на самом-то деле оборотень, человек-леопард... но это говорилось уже вслед, потому что из Багдада им пришлось тогда уехать в провинциальную Амару — и там...

Четыре.

...года спустя Шахрам впервые услышал, как рвутся бомбы — тогда иранские — и как кричат разорванные осколками люди, оказывается, человек умирает совсем не так, как в кино, и вот эта бесформенная куча опаленного мяса пополам с волосами, тряпьем и битым кирпичом всё чувствует и всё понимает, и что-то хочет сказать, но вместо слов у нее получается вой, только вой... Потом Шахрам написал Саддаму письмо, и...

Три.

...месяца спустя Саддам ответил ему, что шестнадцатилетние подростки нужны Родине не на фронте, пусть эти шакалы иранцы гонят под пулеметы своих мальчишек, а он, Саддам, не может допустить такого — и поэтому направляет сироту Шахрама в офицерскую школу, готовящую для Ирака военных летчиков. Полгода спустя Шахрам

впервые в жизни поднялся в воздух на легком французском самолете с прекрасным названием «Маленький принц». Учиться было очень трудно, ведь кроме полетов и обязательной строевой были еще и обычные уроки — по программам лучших столичных школ, а математика и физика вообще по университетским учебникам; и языки: русский, немецкий и английский... Но ничто не могло остановить курсантов в их стремлении не просто сдать экзамены и даже не просто овладеть материалом — а превзойти в этом всех, вырваться вперед, вперед и выше. Девятеро, первые во всем — назывались Бриллиантовой эскадрилей «Крылья Саддама», их портреты висели напротив входа в школу на огромной доске в обрамлении знамен... и, начиная со второго курса, Шахрам не покидал ряды этой славной девятки. Он почти никогда не был первым, но и не спускался ниже шестого. Первые же...

Два.

...места делили между собой братья Вали, Муршид и Муххамед, непохожие близнецы, страшно талантливые не только в учебе: Муршид писал стихи, Муххамед из дерева, меди и шелка делал корабли. Шахрам вспоминал, как мама говорила: в Ираке в последние годы рождается огромное, сверхнормальное количество одаренных детей, такого не было никогда, это предвещает или

невиданное процветание, или страшные беды... На вручение лейтенантских звезд и дипломов приехал сам Саддам, и прямо перед его глазами случилась трагедия: братья Вали, демонстрируя на учебной двухместке J-6 немалые свои умения, столкнулись в воздухе с вертолетом... горящие обломки сыпались на поле, и Шахрам видел как-то все сразу: Садама буквально силой волокут в бункер, охранники с автоматами, нацеленными в небо, прикрывают его... начальник школы генерал Раути отдает какие-то распоряжения, рука указывает на ангары... лейтенанты строго стоят в строю, их никто не распускал... хвостовой винт вертолета продолжает вращаться, и обломок хвоста медленно и аккуратно опускается по спирали... и кто-то...

Один.

...раскинув руки, падает, падает, падает на поле — прямо перед строем выпускников... Потом говорили — шептались — что вертолет взялся в небе непонятно откуда, был вооружен, а на борту его находились, кроме экипажа, два полковника из штаба авиационного командования и чин из Военного бюро партии Баас... в общем, все понятно: это было покушение на президента, и братья Вали в последний момент сорвали злодеяние единственным доступным им способом, поскольку из оружия на учебном штурмовике были только дымовые бомбы...

Разворот. Сработал внутренний секундомер, и тут же: «Ноль!» — голос коммодора.

Ручка вправо, на себя, правая педаль пошла... не так сильно... всё. Сейчас МиГ за тридцать пять секунд опишет плавную кривую, которая в одной точке коснется турецкой границы, а в другой — границы запретной зоны. За это время он наберет еще два с половиной километра высоты. Аль-Халил представил себе, как бесятся сейчас турки и американцы, как колотят по ребрам сердца летчиков... сбить? Но тогда получится, что они сбили иракский самолет в иракском небе... да и не самое это простое дело — сбить аль-Халила.

Перегрузка три и семь десятых. Спокойный плавный боевой разворот. Оставляющий летчику немалый резерв для неожиданного резкого маневра. Хорошему летчику.

...они летали тогда как слепые: почти все наземные радары были уничтожены специальными ракетами в первые же часы нападения, а бортовые — забивались помехами такой интенсивности, что дисплей напоминал экран телевизора, у которого отключили антенну. И все же они взлетали под бомбами и пытались что-то сделать... и аль-Халил был уверен, что после того, как он и лейтенант Руши накрыли ракетно-бомбовым ударом колонну грузовиков в пустыне на границе с Саудовской Аравией, немало гробов под полосатыми флагами

улетело за океан... но Руши из этого полета так и не вернулся, а самому майору пришлось показать все, на что способен хороший самолет в хороших руках, и стряхнуть-таки с хвоста четверку «Иглов»... Да, и еще был тот короткий бой над морем, когда лишь случай да удивительная живучесть спасла А-10... а главное, конечно, то, что локаторы МиГа были ослеплены, глаз же не видит так далеко, как требуется в реактивном бою.

На третий день таких боев — слепых со зрячими — от полка осталась сводная эскадрилья. И — пришел приказ спасать машины.

Машины и себя — ибо в обучение летчика Родина вкладывала столько средств, что жизнь его с какого-то момента начинала всецело принадлежать ей.

Перелетали в Иран — поодиночке, на разные аэродромы, имитируя побег. Так было надо...

Он даже не смог бы сказать потом — если бы кто спросил — что больше всего смутило его дух. Скорее всего — неистребимое ощущение того, что война оказалась этакой «договорной игрой»... что вначале, где-то очень высоко, состоялось поражение, а потом делали убитых — для убедительности...

Он с удивлением обнаружил, что Саддам перестал для него существовать. И это ни на что прочее совершенно не повлияло.

Что самое странное, он не отчаялся после этого и не впал в эйфорию, как многие, с легкостью позволившие убедить себя, что поражение — это победа. Майор Шахрам Аль-Халил всего лишь считал оскорбленным всем тем, что произошло, себя лично. Теперь у него была своя маленькая частная война, которую он мог вести на государственные средства. А Саддам... что Саддам... Саддам есть Саддам. Старееет уже.

Резкий сигнал!

И — предупредительный выкрик коммодора.

Захват!

— Я «Рассом», по мне выпущена ракета! — обязательно нужно сказать это вслух, чтобы попало на пленку. — Я в захвате, повторяю — я в захвате!

Переворот на спину, обороты сброшены на минимум, ручка на себя до отказа, до скрипа, до скрежета, сейчас навалится... семь... девять... девять... черно... из такой перегрузки выбираешься — как из-под земли... полный газ! и глаза уже видят, вот оно: четыре отметки на дисплее... и пятая, слабая, рядом, взялась ниоткуда... это невидимка! Отродье сатаны!

Где же ракета?

Неважно...

Руки сделали все сами. Самолет-невидимка шел из запретной зоны снизу вверх и наперерез, а аль-Халил вновь резко сбросил обороты турбин,

поставил МиГ ребром: одно крыло вертикально в небо, второе в землю — и резко отработал вертикальными рулями. Это был небезопасный маневр: двигатели могли захлебнуться. Но риск оправдался: провалившись вниз на километр и высоко задрав нос, МиГ оказался позади невидимки, развернутый почти точно в его сторону. Скорость была никакой, но это уже не имело значения: головки ракет взяли цель, и майор пустил их обе — с минимальным интервалом...

Теперь — обороты. Теперь — не сорваться бы в штопор.

Ослепительная вспышка! Но не взрыв. Рано.

В глазах — сиреневое марево.

Пропадает, рассеивается, но что-то остается, как отпечаток: косой овал.

А вот теперь — взрыв. И тут же второй.

Машина выровнена, надо делать разворот на юг, скорость шестьсот пятьдесят...

Взгляд на дисплей.

Те четверо, по ту сторону границы, расходятся веером. А этот, пятый, враз ставший большим и очень видимым, валится в сторону турецкой границы...

Резкий сигнал! И — будто был отключен и включился — с полуслова отчаянный голос коммодора:

— ...ади! Раке...

Выпущенная долгую минуту назад пилотом F-14 — через границу! — ракета «Феникс» настигла переставший увертываться МиГ. Взрыв произошел метрах в тридцати под хвостовой частью машины. Осколки и ударная волна пятидесятикилограммовой боеголовки опрокинули тяжелый истребитель, как перышко, превратив в решето крылья, начисто оторвав стабилизатор и разнеся вдребезги оба мотора. Керосиновое облако, вырвавшееся из буквально переставших существовать баков, вспыхнуло, добавив свою лепту в этот фестиваль разрушения...

Аль-Халил так и не понял, сознательно он катапультировался — или же пиропатрон сработал самопроизвольно. Он пришел в себя, когда над головой хлопнул раскрывшийся парашют. Прямо под ним огненным водоворотом рушился его МиГ, а впереди, оставляя косой светящийся след, падал противник.

Первый, подумал аль-Халил. Наконец-то...

Только на земле он поймет, что — и последний. Правое бедро было раздроблено столь основательно, что несколько дней врачи даже не сомневались в неизбежности ампутации.

Лишь через год, перенеся семь операций, он сможет осторожно встать и сделать первые шаги...

Косой овал, выжженный на сетчатке глаза, будет тревожить его еще очень и очень долго.

Штат Тенесси, шоссе 100, 16 миль от Ригана.

Ронхейм кое-как совладал с приступом кашля и вытер слезы. Когда он так уставал, кашель тревожил его часто. Особенно угнетало то, что этот дурной кашель все чаще принимал за усталость расслабление, наступающее после третьей-четвертой порции спиртного, а главное — после первого же отжимания в койке. И все начинали тут же кричать: у тебя спид, у тебя спид!..

А это был вовсе даже и не спид. Но ведь никому не докажешь...

По радио болтали о сексе — так отвязано, причмокивая, что казалось: они там шоркаются прямо у микрофона... Он включил автонастройку, на индикаторе замигали, меняясь, цифры... спонсор нашей передачи — «Андрьюс ансер», лучшие в мире колеса от головной боли, с бодуна или когда всю ночь на ногах, когда вы слишком много тусуетесь, головная боль подкрадется непрямо — и тогда нет ничего лучше «АА»... старая добрая станция «Чаттануга ту-ту» снова в эфире, встречайте... у них были красные огоньки на носу и зеленые на хвосте, а сами они как сигары! — Как что? — Как сигары, как дирижабли, они прошли

наперерез нам по направлению к озеру, полиция преследует их, я вижу три машины, четвертая...

Шоссе было почти пусто. Редко-редко кто-то проскакивал навстречу.

Два часа ночи по поясному времени... значит — почти сутки за рулем. Что называется, не вынимая.

Какой-то дебил на белом «блейзере» обогнал его впритирку, вопя сигналом. Давай, давай, подумал Ронхейм, резвись — до первого полицейского радара... их тут как говна на кабаньей тропе.

Сам он всегда строго держал восемьдесят пять в час. И потому, что торопиться было некуда... и потому, что не стоило подставляться под глупый случай.

С некоторых пор он очень верил в судьбу.

Ему на всю жизнь хватило того налета в пустыне... если бы он держал тогда положенную скорость, то все бомбы и ракеты, выпущенные безумным иракцем, легли бы впереди — а он разлетелся в обгон колонны, и тогда вокруг встала стена огня, и он потом долго не мог поверить, что остался жив и даже почти невредим. Так и здесь: задержание за превышение скорости, занесение в полицейский компьютер (он тихо ненавидел эти железяки, подозревая их в двойной игре) — и все может кончиться случайной аварией где-то в

глухотани или просто таким исчезновением с экрана: был Ронхейм — и нету нигде.

Он прекрасно сознавал, что имеет дело с весьма опасными людьми.

Снова в горле и пониже горла завозились маленькие колючие зверьки. Он почему-то именно так представлял себе кашель: в виде ежей, только размером с жучка.

По радио наконец раздались какие-то совершенно дикие звуки: похоже, что в какой-то студии уже не только трахались, но и пилили друг дружку электропилами. Потом все слилось в невозможный визг. Потом оборвалось...

Огни улетевшего вперед на пару сотен ярдов «блейзера» вдруг погасли. Сразу, будто исполинская ладонь прихлопнула эту белую букашку. И тут же Ронхейм почувствовал, что его как бы раздувает изнутри — не в прямом смысле... но выдохнуть он не сумел. Вдохнуть сумел, а вот выдохнуть — нет.

Потом его мягко положило грудью на руль. Он услышал шорох шин по асфальту и понял, что куда-то исчез звук мотора. Слышна стала трансмиссия, слышна стала подвеска... даже то, как текла вода в радиаторе, стало слышно. Потом стихло и это, и остался только шум, похожий на скольжение дворников по стеклу. Но дворники были неподвижны...

Это кровь в ушах, понял он.

Грузовик остановился.

Уже зная, что это ничего не даст, Ронхейм надавил кнопку стартера. Бесполезно. В кабине было абсолютно темно. На приборной доске не светилось ничего.

И вокруг было тоже абсолютно темно. Будто мир утонул в чернильном пруду.

Лес и небо не различались.

Ронхейм зачем-то потрогал лицо. Лицо пока что оставалось на месте.

Пока...

Паники не было. Даже испуга, и того не было. Или был тот запредельный испуг, который поначалу просто не ощущается.

А потом возник голубоватый свет. Такой свет выдыхает в темную комнату включенный телевизор.

Преодолевая нервное оцепенение, Ронхейм наклонился к рулю. Свет стекал сверху, однако источник его долго, невыносимо долго не показывался.

Гады, подумал Ронхейм непонятно про кого.

Мыслям, как и мышцам, приходилось рвать паутину.

Потом стало совсем светло. Но не было теней, и поэтому все вокруг казалось неумелым рисунком.

То, что появилось в небе, не вязалось ни с

чем. Будто к этому неумелому рисунку сзади поднесли горящую спичку — и в бумаге появилось отверстие с тлеющими краями. Сначала оно казалось неровным...

Потом — резко, скачком — зрение перестроилось. Вместо дыры стало плотное тело: чуть светящийся овальный предмет с какими-то поперечными ребрами, выступами и рядами ярких зеленоватых и красноватых точек.

Если это светились иллюминаторы, то предмет в небе был не меньше авианосца.

Ронхейм вдруг испытал прилив дикой ненависти. Суки, вы думаете, я наложу в штаны? Вот вам!.. Он вытащил из-под сиденья «ремингтон», из бардачка — коробку с патронами. Пальцы дрожали, патроны рассыпались. Он все же сумел подобрать несколько, сунул в карман. Передернул затвор ружья. «Авианосец» занимал уже почти все небо. Ронхейм вывалился из кабины, на негнущихся ногах медленно направился к заднему борту своего фургона. Все вокруг наполнял светящийся туман. Кажется, кто-то шевелился там, у заднего борта...

Ронхейм выстрелил. Свет задергался, как желе. Он выстрелил еще и еще. И еще. И еще...

Двери фургона были распахнуты, но штабеля коробок оставались стоять нетронутые.

Все силы куда-то ушли. Ронхейм сел на

землю. «Ремингтон» выпал, но подобрать его он не смог — руки не слушались. Светящийся туман медленно гас, а где-то вдали мерцали синие огоньки. И они приближались.

2

— Судя по описанию, которое дал шофер, это был зверь вроде горного льва, — Скалли понюхала стреляную гильзу. Пахло горелым порохом и пластиком. — Не могу понять, как с такой дистанции можно промахнуться, тем более картечью.

— Вроде?... — рассеянно отозвался Малдер. — Наверное, бедный лев затеял трансконтинентальный марш за права кошачьих меньшинств...

— Судя по сообщениям синоптиков, погодные условия могли способствовать возникновению сухих гроз...

— Могли или способствовали?...

— ...а попадание молнии в грузовик, не исключено, привело к отказу всех систем автомобиля...

— Не исключено?...

— Почвы здесь болотистые, и выход болотного газа мог вызвать то свечение, о котором говорил шофер...

— Болотный газ?

— Да. Образуется при анаэробном разложении органических веществ. При окислении на воздухе дает холодное свечение, известное как «блуждающие огни» или «огненные шары»...

— Ты знаешь...

Малдер вдруг остановился. Радиометр в его руках засвистел. Стрелка, дрогнув, описала полукруг. Он присел, всмотрелся. Пятно, имеющее повышенную активность, походило на засохший плевок. Малдер пинцетом отковырнул чешуйку «плевка» и положил ее в пакет из просвинцованной резины.

— ...со мной было примерно то же самое, когда я слопал парочку несвежих хот-догов. Бог с ним, с болотным газом. Ты объясни, почему шофер принялся палить? В кого?

— Он почти сутки провел за рулем. Он вполне мог начать палить в собственные галлюцинации.

— А полиция трех графств тоже гонялась за его галлюцинациями? Или за блуждающими огнями? Нет, Скалли, нет. Я уже не первый раз занимаюсь приземлением летающих тарелок. Озеро Окабоджи, Биг-Бэй, Невада... Все то же самое: свечение воздуха, пятна какой-то дряни с радиоактивностью в пять фоновых уровней...

— Но это ведь не решающие доказательства. Можно объяснить...

— Совершенно верно. А вот это — объяснить нельзя. — Малдер положил на ладонь два секундомера. — Я запустил их одновременно, когда мы приехали сюда. Один оставался в машине, другой я носил с собой.

Скалли долго всматривалась в циферблаты.

— Они... точные?

— Плюс-минус секунда в неделю.

— Разница — сорок шесть секунд...

— За полчаса. Такие дела. Эйнштейн что говорил? Время движущихся объектов замедляется? В нашем случае — если я правильно посчитал — я должен был развить скорость сто пятьдесят шесть тысяч миль в секунду.

— Никогда не замечала за тобой таких способностей к быстрому счету...

— Я считал еще в позапрошлом году, в Неваде. Вот... — в блокноте была аккуратная таблица. — И ни тогда, ни сейчас меня не оштрафовали за превышение скорости. Это ли не доказательство?

— По закону тебя могут оштрафовать, если ты превысишь скорость, находясь за рулем автомобиля. Ты же был *не* за рулем. Поэтому отсутствие штрафных квитанций не может считаться доказательством по делу... Давай-ка побеседуем с шофером.

— Вот это мысль, достойная агента ФБР.

В кабинете, куда их посадил шериф, окна были зарешечены, и на стенах висели две картины: необычный пейзаж, изображающий заснеженные пальмы, и карандашный набросок голой девушки.

— Не понимаю, почему меня задерживают, — Ронхейм цедил слова медленно; видно было, что он изо всех сил сдерживается. — Из-за этих выстрелов на дороге? Но у меня есть разрешение на оружие, я умею его применять, я дипломированный ветеринар, развожу лошадей... Это была дикая кошка, похожая на горного льва. Я стрелял, защищая свою жизнь. Что еще?

— Ну, прежде всего — спасибо вам за отчет, составленный вами о событиях этой ночи, — сказал Малдер, усаживаясь поудобнее. — О встрече...

— С тарелкой? Да. Эта штука была круглая, как тарелка. С огнями, красными и зелеными...

— А другие свидетели будто бы говорили, что она имеет форму сигары, — сказал Малдер.

— Я, между прочим, не напрашивался на этот разговор, — тут же ошетинился Ронхейм. — Если вам интересны другие свидетели, так и болтайте с ними. А я поехал. Все, что мне надо сейчас — это довести эти траханские запчасти...

Он вдруг покраснел и дернулся, а потом — закашлялся резко и сухо.